

УДК 81-115
DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-10-24

Метакритика в лингвофилософской концепции Ю. С. Степанова

О. А. Радченко

*Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена *метакритическому компоненту* в научном наследии Ю. С. Степанова (1930–2012) и его значимому присутствию в современных научных исследованиях. Метакритика понимается как метод аналитической ревизии устоявшихся в лингвистике представлений, мнений, оценок, связанных со знаковыми персоналиями и их воззрениями. Этот метод включается в инструментарий нарративной лингвоисториографии, наряду с изучением полного корпуса лингвистического наследия авторов в строго хронологическом порядке, выявлением широкого научного контекста, исследованием интеллектуального дискурса эпохи в целом, детальным знакомством с полным корпусом лингвистических журналов и сборников интересующего периода, восстановлением *библиотеки* изучаемого ученого по его трудам, реконструкцией концептуальной хронологии, интервьюированием очевидцев научных событий, учеников и оппонентов ключевых фигур в научной школе и пр. В таком понимании метакритика существенно расширяет свои первоначальные границы, которые определялись в середине XIX столетия в русле пересмотра идей И. Канта, и представлена в трудах Ю. С. Степанова рассуждениями о степени точности интерпретации классических концепций, терминов и категорий философии языка в трудах отечественных и зарубежных ученых.

Ключевые слова

метакритика, нарративная лингвоисториография, философия языка, метакритический пессимизм

© О. А. Радченко, 2021

ISSN 2307-1737
Критика и семиотика. 2021. № 1
Critique and Semiotics, 2021, no. 1

Для цитирования

Радченко О. А. Метакритика в лингвофилософской концепции Ю. С. Степанова // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 10–24. DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-10-24

Metacriticism in Yu. S. Stepanov's Language Philosophy

O. A. Radchenko

*Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to the metacritical component in the scientific heritage of Yu. S. Stepanov (1930–2012) and its significant presence in modern scientific research. Metacriticism is understood as a method of an analytical revision of established linguistic concepts, opinions, and assessments related to iconic personalities and their views. This method is included in the tools of narrative linguistic historiography, along with the study of the full linguistic heritage corpus created by specific authors in a strictly chronological order, identifying a broad scientific context, exploring the intellectual discourse of the era, a detailed acquaintance with the linguistic journals and collections of the period of interest, restoring the scientist's library according to his / her writings, reconstructing his / her conceptual chronology, interviewing eyewitnesses of scientific events, students and opponents of key figures in the specific scientific school, etc. In this sense, metacriticism significantly expands its original boundaries as defined in the middle of the 19th century in the course of revising I. Kant's critical ideas, and is represented in the works by Yu. S. Stepanov with his arguments about the accuracy of interpretations of classical concepts, terms and categories related to the philosophy of language in Russian and foreign scientific publications.

Keywords

metacriticism, narrative linguistic historiography, philosophy of language, metacritical pessimism

For citation

Radchenko O. A. Metacriticism in Yu. S. Stepanov's Language Philosophy. *Critique and Semiotics*, 2021, no. 1, p. 10–24. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-10-24

Термин *метакритика* впервые прозвучал в наших беседах с Ю. С. Степановым (1930–2012) в 1992 г. и оставался крайне важным для анализа лингвофилософских основ неогумбольдтианства, работа над которыми завершилась защитой докторской диссертации в Институте языкознания РАН в 1998 г. [Радченко, 1997]. Актуальность метакритики, или ‘критики на критику’, как определял этот термин Юрий Сергеевич в процессе этих дискуссий, определялась тем специфическим обстоятельством, что в молодой российской лингвистике по-прежнему сохранялись советские критические традиции историографии, рассматривавшие, в частности, персоналии и взгляды представителей неогумбольдтианства – Й. Л. Вайсгербера (1899–1985), Й. Трира (1894–1970) и их учеников и последователей – исключительно в негативном свете (см. [Ермолаева, 1960; Гухман, 1961; Чесноков, 1977] и др.). Применение метода нарративной лингвистической историографии потребовало тогда, помимо изучения полного корпуса лингвистического наследия В. фон Гумбольдта (1767–1835), гумбольдтианцев и неогумбольдтианцев в строго хронологическом порядке, включения метакритики в арсенал исследования как важнейшей опоры в поисках собственной методологической позиции и нового объективизма [Radchenko, 1992].

На происходившую тогда в рамках работы над этой темой переоценку отечественных лингвистическо-историографических канонов всё более явственно стала оказывать влияние и первая проблема метакритики – ее реляционность, зависимость от различных внешних и внутренних обстоятельств жизни и научного творчества критического лингвиста. Впрочем, эту зависимость трудно считать специфическим качеством именно метакритики, она и в целом определяет то, что приверженцы идеи научных парадигм Т. Куна склонны рассматривать как состояние господствующего гуманитарного знания в целом. Превосходной иллюстрацией релятивизма этого знания и его *парадигмальных* состояний служат дискурсивные практики тоталитарной лингвистики, особенно аргументация и фразеология марристов до и после известной дискуссии 1950 г. (см. [Костева, 2019]). Однако для демонстрации относительности всякого критического рассмотрения лингвистических теорий в каждом случае требуется существенный научно-методологический неконформизм, позволяющий рассматривать объекты идеологизированной критики как типичное конструирование нарративной идентичности в духе П. Рикёра (1913–2005) и Ф. Р. Анкерсмита (род. 1945): в случае с неогумбольдтианством в советском языкознании – своего *Вайсгербера*, которому приписываются зачастую абсурдные или

неверно истолкованные идеи, критиковать которые не представляло никакого труда.

Фундаментальная база метакритики, между тем, не ограничивается принятием на себя роли как можно более беспристрастного аналитика, она предполагает выявление самого широкого научного контекста, включающего исследование интеллектуального дискурса эпохи в целом, детальное знакомство с полным корпусом лингвистических журналов и сборников интересующего периода, восстановление *библиотеки* изучаемого ученого по его трудам, реконструкцию концептуальной хронологии, интервьюирование очевидцев научных событий, учеников и оппонентов ключевых фигур в научной школе и пр. В таком понимании метакритика существенно расширяет свои первоначальные границы, которые определялись в середине XIX столетия в русле пересмотра идей И. Канта (1724–1804) его комментаторами И. В. Гердером (1744–1803) [Herder, 1799] и И. Г. Гаманом (1730–1788) [Hamann, 1967].

Но, если верить Р. Рорти (1931–2007), философская метакритика рождается как таковая лишь в XIX в., когда она превращается в *назидательную философию* (edifying philosophy) в развитие идей и философского стиля Гамана (в ряд, в который Рорти помещает С. Кьеркегора, Ф. Ницше, Л. Витгенштейна, Л. Фейербаха, Эбнера, М. Хайдеггера). О манере *назидательного* философствования Рорти утверждает: «Великие назидательные философы реактивны и предлагают сатиру, пародии и афоризмы. Они знают, что их труд потеряет всякий смысл, как только текст, на который они критически реагируют, утратит свою актуальность. Они умышленно периферийны... Великие назидательные философы разрушают во имя своего поколения... желают сохранить открытое пространство для того ощущения чуда, которое иногда могут творить поэты, чуда, что есть нечто новое под солнцем, нечто, не являющееся точным воспроизведением того, что уже было ранее, нечто, не способное (во всяком случае в данный момент) получить объяснение и едва ли – описание» (цит. по: [Griffith-Dickson, 2005, p. 23]).

Г. Гриффит-Диксон с опорой на Рорти характеризует метакритику именно как назидательную философию и важную задачу. Если допустить плюрализм в теологии или философии, то задача метакритики, не менее чем критики реальности, **существенно важна для здоровья дисциплины**. Это не просто критика других критиков, но **критика самого акта критикования**. Такое понимание метакритики она применяет к Гаману [Griffith-Dickson, 2010, p. 329].

Философская метакритика получила иное истолкование в трудах Теодора Адорно (1903–1969), использовавшего ее как основной метод критики феноменологии Э. Гуссерля (1859–1938) в своих исследованиях в Оксфорде (1934–1937) и отразившего его в 1956 г. в знаменитой работе «Против эпистемологии: метакритика» [Adorno, 1990]. Метакритика (Metakritik) играет в его интерпретации посредующую и объединяющую роль: «Встреча субъекта и объекта внутри субъективности, двойственность в едином, воплощается в двух типах теории познания, каждый из которых питает силы в нереализуемости другого. Грубо говоря, это теории рационализма и эмпиризма. Резко противостоя друг другу и дополняя друг друга, они не столь радикально различаются в своем внутреннем составе и в своих выводах, как это внушает нам историография философии. Метакритике теории познания следовало бы заняться обеими теориями» [Ibid., S. 31].

В *литературоведении* нового века явственно ощущается метакритическое присутствие постмодернизма, к примеру, в диссертации Д. О. Биррер о метакритической беллетристике в послевоенной литературе [Birrer, 2001]. Как и в трудах Гриффит-Диксон, здесь используется термин «метакритицизм» (metacriticism), приобретший некую стандартизованную форму в американском литературоведении лишь в 1993 г., когда он был включен в «Энциклопедию современной литературной теории». Биррер анализирует это определение и выделение в нем микро- и макроуровня (собственно аналитического, обращенного к каждому элементу литературной коммуникации, и философского, связанного со смыслом и ценностью метакритики для языкового сообщества и культуры в целом) [Ibid., p. 12–14], отмечая в итоге, что метакритика представляет собой нечто более существенное, чем подраздел литературоведения, будучи вовлеченной в сложную сеть взаимосвязей с импликациями, выходящими далеко за пределы страницы литературного текста или дискуссии на семинаре. К сходным идеям приходит Ю. А. Говорухина [2009] в своей истории литературной критики в России.

Следует отметить, что неофициальная история метакритики в литературоведении США несколько старше упомянутого Биррер факта ее канонизации – в 1980-х гг. «интерпретация интерпретации» упоминается нередко, а ее критика и даже появление мета-метакритиков в этой среде подчеркивали ситуативность и специфическую повестку метакритических проектов [Landa, 1988]. Это объясняет столь особую значимость *креатив-*

ного метакритицизма для теории литературы нашего века [Al-Shara, 2009], но и не только для нее.

Метакритика избирается как принцип *моделирования искусственного интеллекта* в последних работах Марвина Ли Минского (1927–2016), где она включается в модель *критик-селектор* и определяет контрольную петлю взаимодействия в этой модели (от наблюдения за миром до инициации метакритики, которая инициирует цепочку критики различных типов) [Minsky, 2007].

Метакритические подходы в *науковедении* предлагались еще ранее, в более широкой трактовке как исследование предпосылок и методов критических теорий, а также проблем в рамках конкретных критических позиций. Частной задачей метакритики являлось еще в 1980-х гг. обращение к логике критического исследования с целью выявить понятие критицизма как такового [Raval, 1981].

О возрастающей популярности метакритики свидетельствует и появление в 2015 г. специального «Метакритического журнала сопоставительных исследований и теории», цель которого «состоит в том, чтобы добавить сильное самокритическое – метакритическое – измерение к междисциплинарным, интермедиальным и новым сравнительным исследованиям»¹. В анонсе журнала отмечались как важные предпосылки междисциплинарность и интермедиальность в гуманитарных науках XXI в.: «Хотя первая, более широкая концепция все чаще используется с 1980-х гг., привлекательность второй особенно возросла за последнее десятилетие. В целом ряде областей объем работ, выполняемых в рамках междисциплинарных исследований, неуклонно расширялся. Мы считаем, что настало время для более последовательного и четкого изучения предпосылок, последствий и общих принципов интермедиальной науки – фактически, для систематического метакритического взаимодействия с существующим критическим корпусом, а также с новыми темами, подходами и проектами в этой области»². В эту пару предпосылок вписано и понятие «мета», которое «является сутью всей интермедиальности, поскольку греческий префикс обозначает сам протокол саморефлексии и, в более общем плане, всего дискурса самооценки или дебатов, что является тем, что интермедиальные исследования должны развиваться более энергично, чтобы соответствовать своим

¹ Metacritical Journal for Comparative Studies and Theory. 2015. URL: <https://www.metacriticjournal.com/>.

² Ibid.

междисциплинарным и методологическим условиям, а также справляться с академическими и эпистемологическими кризисами, на которые реагирует их расширение»³. Применение метакритики, «мета-работа в этом новом кластере областей в конечном счете позволяет нам рисовать новые карты для имеющихся или возникающих исследовательских территорий, представлять ранее неизведанные способы коммуникации между дисциплинами и нами самими, а также прокладывать новые пути в аналоговых и цифровых проектах, в печати или в Интернете»⁴. Здесь же отмечается как конструктивная, так и деструктивная роль метаоператора, который, «делая возможной будущую работу, одновременно раскрывает системные заблуждения и властные структуры, заложенные в современной науке»⁵.

Метакритическому оптимизму нового века все еще противостоит метакритический пессимизм прошлого столетия, суть которого точно выразил А. Морейрас в «Исчерпании различий»: «Какой смысл включаться в метакритику интеллектуальной деятельности, если эта самая метакритика в конечном счете обречена стать погруженной в системный аппарат, функционирование которого она должна была по изначальному замыслу прервать? Даже намеренная метакритическая уникальность (*singularity*) наших дискурсов, будь то понимаемая в концептуальных терминах или в терминах стиля, тональности или настроения, неизбежно ре-абсорбируется в рамки, которые, собственно, и позволяют ей существовать, создавая пространство для ее выражения» [Moreiras, 2001, p. 41]. Морейрас указывает и на прочие качества и определения современной метакритики: *налёт мессианства*, синоним деконструкции (в понимании Ж. Деррида), *мечта об оппозиционном дискурсе*, саморефлективная инстанция мыслительного аппарата, способная всё же хотя бы временно «парализовать» ре-адсорбирующую машину, мечта западного мышления в век механической репродукции [Ibid., p. 41–42].

Говоря о понятии *мета*, нельзя не вспомнить сборник «Под знаком “Мета”» [2011], в котором рассматривались разнообразные термины лингвистической метатеории, в том числе различные метаязыки, метатемы исследования и метаизмерения устной и письменной речи, метатексты и метасинтез в культуре, что, конечно же, вновь подтверждает чрезвычайную актуальность лингвофилософских исследований как Ю. С. Степанова,

³ Metacritical Journal..., 2015.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

так и его учеников и коллег, ощущавших и отразивших в своих работах явную тенденцию к «мета» в гуманитарном знании. Примечательно, что проблема метакритики не привлекла тогда внимания именитых авторов научного труда, однако ее присутствие в работах Ю. С. Степанова ощутимо, оно сказалось на стиле метакритического мышления и изложения, продемонстрированном им в своих лингвофилософских исследованиях.

Прежде всего метакритика выступает в его трудах как инструмент научного уточнения, в особенности, когда речь идет о взглядах выдающихся лингвистов романского мира. Этот мир был близок ему как выдающемуся знатоку романских языков и культур. Неслучайно одно из его метакритических замечаний в ставшем уже классическим сборнике «Гипотеза в современной лингвистике» касается интерпретации взглядов Ф. де Соссюра (1857–1913) в публикациях отечественных лингвистов. Отмечая «слишком категорическое утверждение» Н. А. Слюсаревой (1918–2000) («Соссюр учил, что явление, которое допускает панхроническое объяснение, не может быть отнесено к языку, так как «оно не выступает как ценность ибо не наделено смыслом»), он парирует: «Такое явление, по Соссюру, не может быть отнесено к языку как его знак, но оно может быть отнесено к Языку как его закон. Мы увидим ниже, что учение о панхронии отчетливее всего проходило в специальных, исторических исследованиях Соссюра» [Гипотеза..., 1980, с. 94]. В столетнюю дискуссию о том, что именно принадлежит перу и научной интуиции великого реформатора науки о языке, вносится тем самым важнейший элемент – лишь анализ полного корпуса трудов де Соссюра в комбинации с сопоставительным метакритическим рассмотрением различных подходов к их интерпретации способен помочь реконструировать его научную мастерскую.

Метакритика нередко служит Ю. С. Степанову для фиксации теоретических и интерпретационных лакун в трудах современников. В своём знаменитом «Языке и методе» он выявляет одну из таких лакун: «Нам кажется, вышесказанное феноменологически освещает понятие сигнификации. К сожалению, в новейших работах об абстракции и именовании феноменологические соображения Гуссерля, а также А. Ф. Лосева и др. не только не учитываются, но и не критикуются и даже не упоминаются» [Степанов, 1998, с. 189]. Таким способом можно мотивировать молодых ученых к поискам новых путей интерпретации известных теорий, которые еще никто не выбирал.

Но установление пробелов в теоретических конструкциях лингвистов прошлого и настоящего не остается самостоятельным элементом в рассу-

ждениях Ю. С. Степанова, а включается им в процесс внутренней реконструкции конкретной теории. Так, обсуждая в той же монографии проблемы современной теории значения, он касается и концептогенеза структурализма: «Всё же в этой сложной новой картине, имеющей тенденцию, по-видимому, превратиться в картину полной релятивизации всего, что есть в семантике языка, возникает опасность потери ориентиров. В отличие от других случаев, когда об “опасностях” разного рода говорят обычно противники, а не сторонники той или иной концепции (очень много говорили, например, об “опасностях” структурализма критики структурализма), здесь трудности ощущают, видимо, сами творцы новой картины. Это выражается в том, что постоянной и общей темой новых работ становится тема – с иной точки зрения она могла бы показаться совершенно частной – поисков “твердых десигнаторов”, собственных имен, которые остаются неизменными в потоке функций и переходов от одного возможного мира к другому» [Степанов, 1998, с. 389–390]. Осмысление опасностей, связанных с абсолютизацией лингвистической парадигмы, тотальным движением по уже проторённой дороге простого научного текстописания, по всей видимости, не утратило своего значения в современном языкознании: дискуссионная эйфория постепенно проходит, теоретическая база дискурс-анализа и лингвистической концептологии исчерпала все ресурсы, за исключением эмпирических. На повестке дня нашей науки – поиски нового направления в движении мысли и развитии теории языка.

Естественным и, видимо, наиболее ценным предназначением метакритики для лингвиста представляется чтение критика через призму взглядов и научных пристрастий автора. Ю. С. Степанов демонстрирует качества тщательно аргументирующего интеллектуального *мета-метакритика*, когда, к примеру, рассуждает о недостатках языковой метатеории: «Здесь можно сделать обобщение о трудности названия категорий. Поскольку категории выступают как нечто высшее по отношению к формам данного языка, следовательно, как знаки знаков, метазнаки, они должны иметь наименования, так или иначе отличные от знаков данного языка. Поскольку же наименование происходит с помощью самого данного языка, категории неизбежно именуется словами этого языка. Это большое неудобство, способное привести к недоразумениям (и, как мы увидим далее, действительно приведшее к недоразумению Дж. С. Милля, когда он стал критиковать систему Аристотеля)» [Там же, с. 546]. Тему отношения Дж. С. Милля (1806–1873) к категориальной таблице Аристотеля Ю. С. Степанов продолжает, называя причины, по которым он предпринимает выбор автора

для собственного метакритического анализа: «Прежде чем перейти к вопросам этой логической, а также лингвистической обработки, уместно сделать отступление относительно критики категоризации Аристотеля. В качестве примера такой критики остановимся на замечаниях Дж. С. Милля. Книга Милля “Система логики, силлогической и индуктивной” была закончена в 1841 г. Вообще говоря, для нашей задачи нам достаточно показать, как критиковалась система Аристотеля, на любом примере. Но образец критики, данный Миллем, интересен по двум причинам. Во-первых, Милль избрал наилучший в данной связи способ критики, а именно показать неудовлетворительность (с его точки зрения) критикуемой системы тем, что возможно построение другой системы, совершенно отличной от нее; Милль и предлагает свою систему. Во-вторых, система Милля – это “классическая для XIX–XX вв. теория категорий с точки зрения эмпиризма” ... Эмпиризм же, в особенности английский, тяготеет к номинализму, тогда как концепция Аристотеля лежит в лоне реализма-концептуализма» [Степанов, 1998, с. 547–548].

В этом рассуждении метакритика выступает еще в одном важном качестве – как проекция в современные лингвофилософские дебаты (и в этом, возможно, состоит смысл историографии лингвистики и метакритики как ее наиболее эффективного инструмента). Разбирая «Систему логики» Милля, Ю. С. Степанов выявляет лакуны и в самой анализируемой концепции: «В категоризации Милля намечались – но самим автором не были осознаны – и некоторые семантические парадоксы. Парадокс скрывается в статусе «состояний духа или сознания», как он определен у Милля. С одной стороны, “состояния сознания” лежат в основе всех его категорий и в основе высказывания-предложения, как Милль его понимает. С другой стороны, “состояния сознания” – это особая, отдельная категория. Подобный парадокс – когда одна и та же семантическая категория, сема, с одной стороны, неразрывно связана с другими категориями и тем самым не имеет самостоятельного существования, а с другой стороны, выступает в особой форме как сама по себе – возникает и в современных семантических описаниях» [Там же, с. 550].

Наконец, метакритические этюды позволяют Ю. С. Степанову применять «критику на критику» как метод построения собственной теории: он читает критику Аристотеля в трудах Д. Милля и И. Канта в преломлении через воззрения самого Аристотеля и намечает для себя путь «к тонким различиям этих категорий, доказывающим правоту Аристотеля перед его критиками» [Там же, с. 549, 605].

Эти наблюдения обосновывают не только важность метакритического компонента в современной философии языка и историографии лингвистики, на формирование которых Ю. С. Степанов оказал столь существенное воздействие. Для той особенной категории людей, которую именуют *Noto academicus*, научное наследие оригинальных и ярких мыслителей отечественной науки о языке может и должно долгие годы служить источником исследовательского вдохновения и аналитического инструментария. Формированию самостоятельно и оригинально мыслящей академической среды в нашей науке призваны помочь углублённое прочтение (*close reading*) трудов Ю. С. Степанова, их рецепция, критика и – метакритика.

Список литературы

Гипотеза в современной лингвистике / Под ред. Ю. С. Степанова. М.: Наука, 1980, 384 с.

Говорухина Ю. А. Метакритический дискурс русской критики: от познания к пониманию. Томск: ИД СК-С, 2009. 129 с.

Гухман М. М. Лингвистическая теория Л. Вейсгербера // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 123–162.

Ермолаева Л. С. Неогумбольдтианское направление в современном буржуазном языкознании // Проблемы общего и частного языкознания. М.: Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960. С. 47–85.

Костева В. М. Лингвистика тоталитаризма в лингвофилософской парадигме XX века: Дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГЛУ, 2019. 398 с.

Под знаком «Мета». Материалы конференции «Языки и метаязыки в пространстве культуры» в Институте языкознания РАН 14–16 марта 2011 г. / Под ред. Ю. С. Степанова, В. В. Фещенко, Е. М. Князевой, С. Ю. Бочавер. Москва; Калуга: ИП Кошелев А. Б. (Издательство «Эйдос»), 2011. 354 с.

Радченко О. А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М.: Метатекст, 1997. Т. 1–2.

Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 770 с.

Чесноков П. В. Неогумбольдтианство // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М.: Наука, 1977. С. 7–62.

Adorno Theodor. Zur Metakritik der Erkenntnistheorie. Drei Studien zu Hegel. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990. 386 S.

Al-Shara, Zaydun Ali. Creative Metacriticism: The Portrayal of Literary Theory in Contemporary Fiction. 2009. URL: <https://scholarworks.wmich.edu/dissertations/640/>.

Birrer Dotyiane Austen. Metacritical Fictions: Post-War Literature meets Academic Culture. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Washington State University Department of English, 2001. 237 p.

Griffith-Dickson Gwen. Johann Georg Hamann's Relational Metacriticism. Berlin, Walter de Gruyter, 2010. 552 p.

Griffith-Dickson Gwen. The Philosophy of Religion. London: SCM Press, 2005. 447 p.

Hamann J. G. Metakritik über den Purismus der reinen Vernunft (1784) // Hamann J. G. Schriften zur Sprache. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1967. S. 219–227.

Herder Johann Gottfried. Verstand und Erfahrung: eine Metakritik zur Kritik der reinen Vernunft. Frankfurt am Main: Hartknoch, 1799. Bd. 1–2.

Landa José Ángel García. On Metacriticism as Intervention (A note on Susan R. Horton's Interpreting Interpreting). Brown University, 1988. Web edition 2004. URL: <http://personal.unizar.es/garciala/publicaciones/metac.html>

Minsky Marvin Lee. The Emotion Machine. New York, USA: Simon & Schuster, 2007. 400 p.

Moreiras Alberto. The exhaustion of difference: the politics of Latin American cultural studies. Durham; London: Duke University Press, 2001. 350 p.

Radcenko Oleg A. "Weisgerberiana sovetica" (1957–1990). Ein Versuch der Metakritik des Neuhumboldtianismus bzw. der Sprachinhaltsforschung // Beiträge zur Geschichte der Sprachwissenschaft (Münster, BRD), H. 2.2-3, 1992. S. 193–211.

Raval Suresh. Metacriticism. Athens: University of Georgia Press, 1981. 289 p.

References

Adorno Theodor. Zur Metakritik der Erkenntnistheorie. Drei Studien zu Hegel [On Metacritics of the Cognition Theory]. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1990, 386 S.

Al-Shara, Zaydun Ali. Creative Metacriticism: The Portrayal of Literary Theory in Contemporary Fiction. 2009. URL: <https://scholarworks.wmich.edu/dissertations/640/>.

Birrer Dotyiane Austen. *Metacritical Fictions: Post-War Literature meets Academic Culture*. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Washington State University Department of English, 2001, 237 p.

Chesnokov P. V. Neogumbol'dtianstvo [Neo-Humboldtianism]. In: *Filosofskie osnovy zarubezhnykh napravleniy v yazykoznanii* [Philosophical Foundations of the Foreign Trends in Linguistics]. Moscow, Nauka, 1977, p. 7–62. (in Russ.)

Ermolaeva L. S. Neogumbol'dtianskoe napravlenie v sovremennom burzhuznom yazykoznanii [Neo-Humboldtian Trend in the Modern Bourgeois Linguistics]. In: *Problemy obshchego i chastnogo yazykoznanija* [Problems of General and Specific Linguistics]. Moscow, 1960, p. 47–85. (in Russ.)

Govorukhina Yu. A. *Metakriticheskiy diskurs russkoy kritiki: ot poznaniya k ponimaniyu* [Metacritical Discourse of Russian Critics: from Cognition to Understanding]. Tomsk, ID SK-S, 2009, 129 p. (in Russ.)

Griffith-Dickson Gwen. *Johann Georg Hamann's Relational Metacriticism*. Berlin, Walter de Gruyter, 2010, 552 p.

Griffith-Dickson Gwen. *The Philosophy of Religion*. London, SCM Press, 2005, 447 p.

Gukhman M. M. *Lingvisticheskaya teoriya L. Veysgerbera* [L. Weisgerber's Linguistic Theory]. In: *Voprosy teopii yazyka v sovremennoy zarubezhnoy lingvistike* [Language Theory Issues in the Modern Linguistics Abroad]. Moscow, AS USSR Publ., 1961, p. 123–162. (in Russ.)

Hamann J. G. *Metakritik über den Purismus der reinen Vernunft* [Metacritics of the Pure Reason Purism] (1784). In: *Hamann J. G. Schriften zur Sprache*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1967, S. 219–227.

Herder Johann Gottfried. *Verstand und Erfahrung: eine Metakritik zur Kritik der reinen Vernunft* [Sense and Experience: Metacritics of the Critics of the Pure Reason]. Frankfurt am Main, Hartknoch, 1799. Bd. 1–2.

Kosteva V. M. *Lingvistika totalitarizma v lingvofilosofskoy paradigme XX veka* [Totalitarian Linguistics in the Language Philosophy Paradigm of the 20th Century]. Diss. Doctor of Philol. Moscow, MSLU Press, 2019, 398 p. (in Russ.)

Landa José Ángel García. *On Metacriticism as Intervention (A note on Susan R. Horton's Interpreting Interpreting)* Brown University, 1988. Web edition 2004, 2013. URL: <http://personal.unizar.es/garciala/publicaciones/metac.html>

Minsky Marvin Lee. *The Emotion Machine*. New York, USA, Simon & Schuster, 2007, 400 p.

Moreiras Alberto. The exhaustion of difference: the politics of Latin American cultural studies. Durham & London, Duke University Press, 2001, 350 p.

Radchenko Oleg A. "Weisgerberiana sovetica" (1957–1990). Ein Versuch der Metakritik des Neuhumboldtianismus bzw. der Sprachinhaltsforschung [An Essay on Metacritics of the Neo-Humboldtianism]. In: Beiträge zur Geschichte der Sprachwissenschaft (Münster, BRD), H. 2.2-3, 1992, S. 193–211.

Radchenko O. A. Yazyk kak mirosozidanie. Lingvofilosofskaya kontseptsiya neogumbol'dtiansva [Language as a World Creation. Neo-Humboldtian Language Philosophy]. In 2 vols. Moscow, Metatekst, 1997. (in Russ.)

Raval Suresh. Metacriticism. Athens, University of Georgia Press, 1981. 289 p.

Stepanov Yu. S. Yazyk i metod. K sovremennoy filosofii yazyka [Language and Method. On the Modern Language Philosophy]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 1998, 770 p. (in Russ.)

Stepanov Yu. S. (ed.). Gipoteza v sovremennoy lingvistike [Hypothesis in the Modern Linguistics]. Moscow, Nauka, 1980, 384 p. (in Russ.)

Stepanov Yu. S. et al. (eds.). Pod znakom "Meta" [Under the Meta Sign]. In: Materialy konferentsii "Yazyki i metayazyki v prostranstve kul'tury" v Institute yazykoznanija RAN 14–16 marta 2011 g. Moscow, Kaluga, Koshelev A. B. Publ., 2011, 354 p. (in Russ.)

Сведения об авторе

Радченко Олег Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Института иностранных языков имени Мориса Тореза, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия)

o.radchenko@linguanet.ru
ORCID 0000-0003-3808-9461
ResearcherID A-3712-2017
Scopus ID 57222585373
SPIN-код 2479-8269
AuthorID 74029

Information about the Author

Oleg A. Radchenko, Doctor of Philology, Professor, Full Professor of the General and Comparative Linguistics Department, Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)

o.radchenko@linguanet.ru

ORCID 0000-0003-3808-9461

ResearcherID A-3712-2017

Scopus ID 57222585373

SPIN-код 2479-8269

AuthorID 74029